

Вернуться к оглавлению

ФРАНЦУЗСКИЙ

ПЕХОТИНЕЦ

Обучение солдата

более увязать в бесконечной войне в Испании, пытаясь помочь своему брату Жозефу удержаться на троне. Тем временем, в центральной Европе император уже был не в состоянии быстро добиваться решающих побед, в которых он так нуждался. Уровень боевых потерь повысился, поскольку на полях сражений приобретала доминирующее значение артиллерия. За бедственной кампанией 1812 г. в России последовало в 1813 г. восстание в Германии, направ-

Хронология 1803-1815 годов

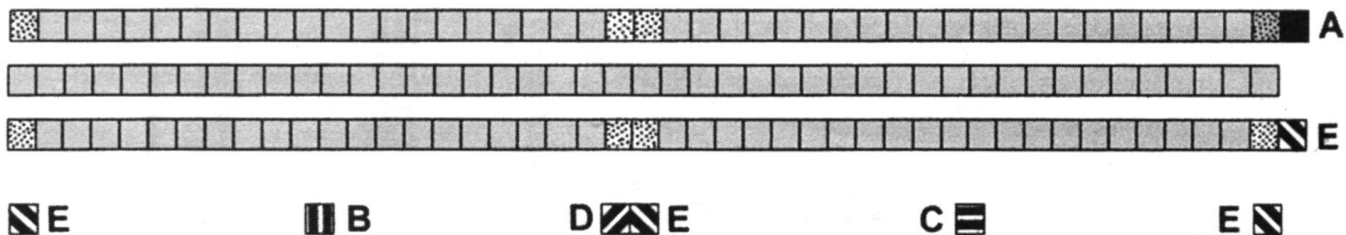
1803 Англия объявляет войну Франции (16 мая); развертывание Булонского лагеря (15 июня); пехотные полубригады вновь становятся полками (24 сентября).

1804 Наполеон провозглашается императором (18 мая); коронация Наполеона I в соборе Нотр-Дам в Париже (2 декабря); Наполеон в Париже вручает своим полкам императорские «орды» (5

1808 Восстание в Мадриде (2 мая); Дюпон капитулирует в Байлене (21 июля); сражение у Вимейро (21 августа); Наполеон принимает на себя командование армией в Испании (5 ноября); сражение у Сомосьерры (30 ноября); Наполеон занимает Мадрид (4 декабря).

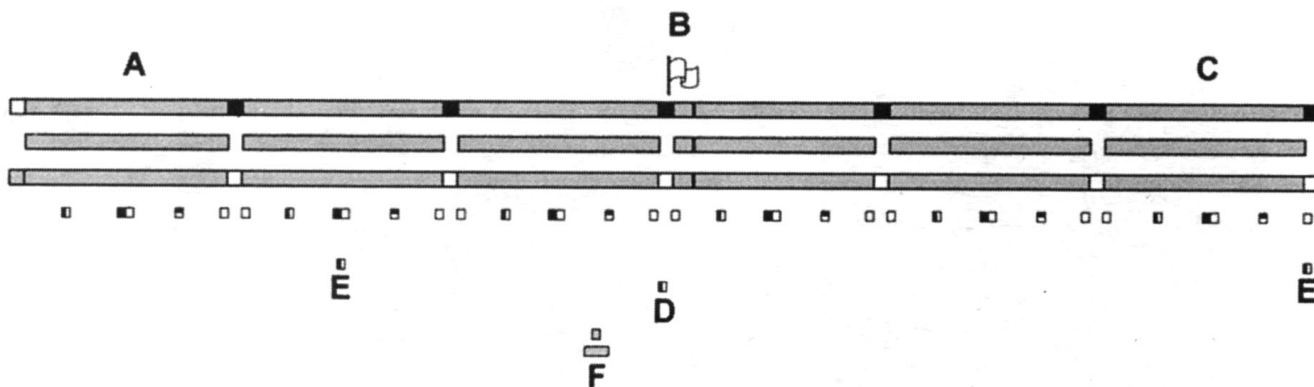
1809 Сражения у Коруньи (16 января) и Медельина (29 марта); создание Пятой коалиции (9 апреля); сражение у Экмюля (22 апреля); сражение у Опорто (12 мая); Наполеон вступает в Вену

чение в солдатских рядах числа молодых людей в возрасте до 30 лет

Построение роты на поле боя

Солдаты были выстроены справа налево, по росту. Самые высокие находились в передней шеренге (они должны были становиться на колено при залповой стрельбе), самые низкие формировали среднюю шеренгу, а остальные – третью шеренгу. Капитан должен был стоять на правом фланге роты, но при стрельбе он занимал позицию рядом со старшим сержантом, по центру в тылу своей роты. Рота разделялась на две части, с капралами стоящими по углам. Ключ: А – капитан; В – лейтенант; С – суб-лейтенант; D – старший сержант; E – сержанты.

Батальон в линейном строю

Батальон, выстроенный в боевую линию [en bataille]. Ключ: А - вольтижеры; В - орлоносец; С - гренадеры; D – командир батальона (на коне); E – адъютант; F – барабанщики.

нее мое здоровье не будет причинять вреда, перед моего подчиненным...

Вольтижер, 1806 г.

В порядке возвращения к традиционной практике формирования рот специального назначения, предназначенных действовать в качестве разведчиков [scouts] и застрельщиков [sharpshooters], в полках легкой пехоты в марте 1804 г. были введены вольтижерские роты; в полках линейной пехоты они появились в сентябре 1805 г. Хотя все пехотинцы могли сражаться в разомкнутом строю как стрелки [tirailleur], функции застрельщиков в конце концов практически полностью были оставлены за вольтижерами. Максимальный рост вольтижеров не должен был превышать 1.597 м (1.624 м для офицеров), что позволяло солдатам, которые не удовлетворяли требованиям роста для гренадерских рот (1.759 м), добиваться элитного статуса.

В 1806 г. Наполеон проводил эксперимент с заме-

слова. Мой отец, который был не в состоянии разговаривать уже в течение нескольких месяцев, после поразившего его удара, подвел меня к своему письменному столу и там, взяв перо, написал дрожащей рукой слова прощания, которые я запомнил навсегда.

В конце концов я покинул родной дом, сопровождаемый моим двенадцатилетним братом и несколькими друзьями, которые хотели проводить меня до самых ворот Парижа. Перед тем, как повернуть за угол улицы и окончательно распрощаться с семьей... я увидел моих мать и отца, стоявших у дома и глядевших мне вслед.

предстоит раздача хлебной порции... Мы пошли к дому фермера, который должен был сыграть роль хозяина гостиницы. Я попросил его, чтобы нас проводили в комнату, предназначенную для ночлега. В ответ, он улыбнулся и позвал своего работника, который, проведя нас через двор, заполненный навозными кучами и лужами застойной воды, открыл перед нами дверь хлева. Заглянув внутрь, я увидел там четырнадцать моих компаньонов... Выбросив подальше свой ордер, я пошел искать нормальную гостиницу».

Реалии военной жизни хорошо почувствовал на себе Майер, пока добирался в депо своего полка, размещавше-

Капрал гарнизонной службы, держащий свой мушкет в «сержантском» положении [l'arme comme sergent]. Эта позиция предназначалась для унтер-офицеров.

Великолепный флаг французских национальных цветов развевался над нашими рядами. Бесперывно повторявшийся крик «Vive l'Empereur!» вынудил командира нашего отряда приказать соблюдать тишину, когда мы выстроились перед резиденцией майора. Майор вскоре вышел к нам и выразил свое удовлетворение офицеру за прекрасный вид вверенной ему части... Вытерпев посещение полковых медиков в гарнизонном госпитале, мы получили ордера на постой только на эту ночь. Наше формальное зачисление в полк было назначено на следующий день.»

В полковом депо

В полковом депо поступившие туда новобранцы получали обмундирование

За спиной этого капрала-фурьера в окнах казармы видна вывешенная для просушки выстиранная форма. Обратите внимание на солдат в рабочей форме и будку для часового.

и первичные навыки военной службы, прежде чем отправиться в боевые батальоны полка, располагавшиеся в гарнизонах или лагерях, разбросанных по всей империи. Период пребывания рекрутов в депо изменялся в зависимости от потребностей полевой армии – в кризисные времена обучение, обычно проходившее в течение нескольких месяцев, ухитрялись проводить за считанные дни. В 1809 г. Паже [Page] оказался одним из 500 конскриптов, отправленных из Эпиналя в депо 9-го полка легкой пехоты в крепости Лонгви: «Мы прибыли на место в первые дни марта; командиры немедленно разделили нас на учебные группы. Нам прочитали кодекс о воинских преступлениях, провели с нами строевое учение и продемонстрировали нам солдатские стойки, но без

оружия. Три дня спустя, даже не получив полностью полковую униформу, мы были направлены в Великую Армию, продолжая свое обучение по дороге.»

Первым и одним из самых важных этапов в начале военной службы было внесение конскриптов в полковой регистр (или ведомость личного состава – *controle*), куда записывались полное имя рекрута, имена родителей, дата и место рождения. Для целей идентификации данного рекрута добавлялось приблизительное описание его внешности, включавшее указание роста (в метрах), цвета глаз и волос, формы носа, подбородка и рта, а также все заметные отличительные признаки, вроде шрамов или веснушек. В заключение конскрипт получал личный порядковый номер и направление в батальон и роту, в кото-

рой ему предстояло служить. В течение всей дальнейшей карьеры солдата в это личное дело после первоначальной информации заносились все изменения по службе в хронологическом порядке, включая переводы в другие части, производства в следующие звания и полученные ранения. В конечном счете личное дело заканчивалось указанием причины окончания воинской службы: гибель в бою, инвалидность, отставка или дезертирство.

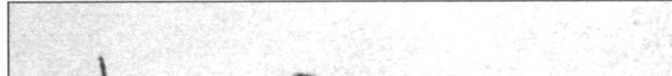
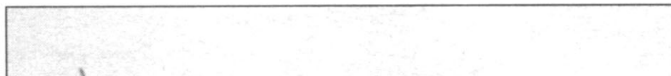
Полковые врачи подвергли Жилья тщательному осмотру, и такой осмотр проходил каждый новобранец в первые же дни своего пребывания в армии. На следующий день после его появления в депо доктор осмотрел конскрипта Оноре Бёльэй [Beulay]: «Он нашел, что я недостаточно физически развит для тяжелых условий службы в действующей армии, и посчитал благоразумным за-

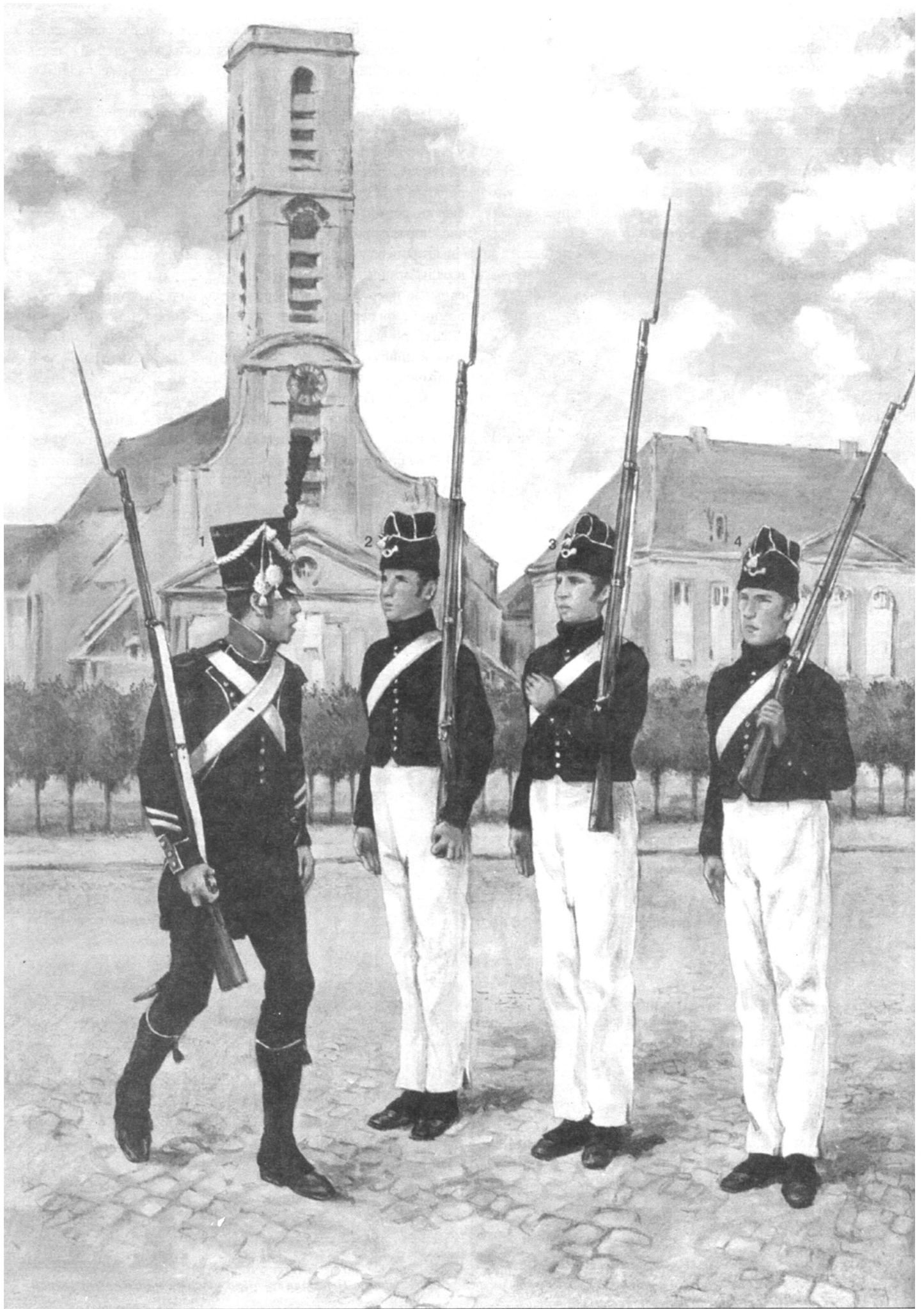
держать мою отправку в боевые батальоны.» В критических случаях полковые врачи могли признать негодным к воинской службе любого рекрута, у которого обнаруживали какие-либо серьезные недостатки. Но такое случалось нечасто: в 9-м полку легкой пехоты, например, между 1805 и 1807 годами только 20 из общего количества 2,463 новобранцев были отправлены домой.

Как только перечисленные формальности были завершены, процесс включения новобранца в ряды армии начинал приобретать реальные очертания. Пьер-Луи Майер вспомнил свой первый день: «Мы построились и промаршировали перед знаменами в присутствии полковника. С нами обходились очень доброжелательно. Нас выстроили в одну шеренгу по росту, и затем старшие сержанты [sergent-major] вызывали нас одного за другим и отправляли в наши

роты.» Как только солдаты оказывались в своих ротах, они сразу же назначались в конкретное отделение [escouade] под командованием капрала.

Отделение было базисной административной единицей в полку. В каждом отделении насчитывалось от 12 до 15 солдат, которым предстояло совместно выполнять нестроевые работы, а также готовить еду и вместе обедать. Капрал был ответственен за назначение заданий на работу и ведение полной и последовательной отчетности. По прибытию в казарму, Жилья подвергся опросу, касавшемуся его способностей: «Господин капрал, очень храбрый солдат, но считавший себя весьма значительной личностью, соизволил обратиться ко мне с покровительственным видом. Он спросил меня, умею ли я читать. Я ответил утвердительно и добавил, что умею даже писать. Он выглядел довольным и

Обучение солдата

Капрал и три егеря-новобранца в рабочей форме [fatigue dress] демонстрируют различные способы ношения мушкета, в соответствии с регламентом 1791 г., раздел «Обучение солдата» [ecole de soldat].

1. «По-сержантски» [L'arme comme sergent]: когда солдатам отдавалась команда «на плечо!», унтер-офицеры должны были держать оружие в этом положении.

2. «На плечо!» [Portez vos armes]: когда солдат стоял по команде «смирно!», мушкет должен был держаться в левой руке, немного изогнутой в локте, который слегка отводился от тела. Приклад [butt] удерживался по внешнему краю «на первых суставах всех пальцев ладони». Пятка [heel] приклада находилась между указательным и средним пальцами, в то время как большой палец был выше, а безымянный и мизинец заходили под приклад.

3. «На руку!» [L'arme au bras]: это был обычный способ ношения мушкета, в частности на марше. Левая рука держалась поперек грудной клетки, причем ладонь должна была накрывать правую сторону груди. Замок мушкета удерживался на сгибе локтя.

4. «Держать вольно!» [L'arme a volonte]: при движении в колонне «походным шагом» [pas de route] по команде «Держать вольно!» дистанция между рядами увеличивалась до четырех шагов. От солдат «больше не требовалось ни маршировать в ногу, ни соблюдать молчание». Хотя и без соблюдения жесткого порядка, от них все же требовалось в общем придерживаться своего места и не позволять рядам перемешиваться. Мушкет несли наиболее удобным способом; единственным требованием при этом было: «безразлично, где находится мушкет, на одном или другом плече, удерживается одной или обеими руками, но его ствол должен быть в воздухе».

удивленным одновременно, и объявил мне, что собирается передать на мое попечение всю свою документацию.»

В то время как новобранцы привыкали к своему новому окружению и товарищам, в части занимались решением проблемы с их униформой. За обеспечение формой нес ответственность офицер по обмундированию [capitaine d'habillement], который командовал подразделением мастеров-ремесленников, их помощников и учеников. Униформа и обувь изготавливались только трех стандартных размеров. Качество этой формы значительно колебалось в зависимости от материалов и времени, потраченного на пошив соответствующего предмета одежды. Пробыв три дня в полковом депо, Майер «получил белую куртку [veste] и фуражную шапку [forage cap]». В течение первых дней

рованием», хотя обычно требовалось носить мундир [habit] в соответствии с рангом.

По крайней мере, на бумаге униформа линейной и легкой пехоты выглядела внушительно. Элзеар Блаз [Blaze] свидетельствовал, что «никто лучше солдат этой эпохи не мог почувствовать, какое очарование заключено в великолепной униформе.» Если так было на самом деле, то это обаяние в данном случае полностью отсутствовало. В 1809 г. из Страсбурга в письме своему отцу Доминик Рутан [Rutten], новобранец 18-го полка линейной пехоты, жаловался: «...если бы Вы увидели, какое обмундирование нам выдали... я думаю, что Вы приняли бы меня за нищего.» Конечно, это был крайний случай, и к тому же в описании человека, который вспоминал свою молодость много лет спустя; ясно, однако, что в императорской армии наблюдалось значительное разнообразие стандартов униформы.

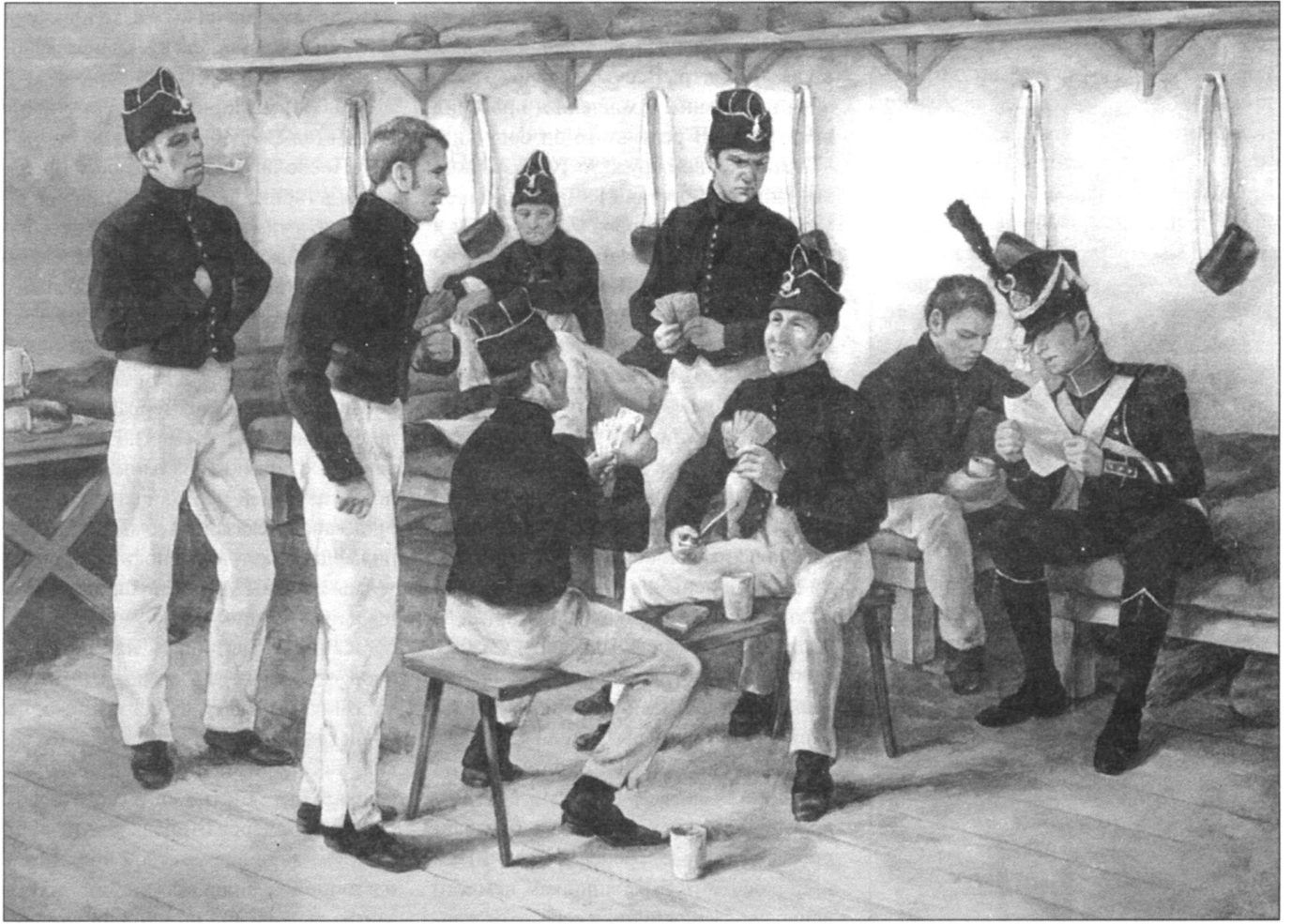
По мере того, как шли годы правления Наполеона, униформа становилась более практичной. Роскошная парадная форма периода ранней империи, с бриджами, гетрами, шейными галстуками и длиннополыми мундирами, уступила место шинелям, коротким гетрам и сво-

бодным [baggy] штанам. Прически также эволюционировали. В начале императорской эры от солдат требовали, чтобы их волосы на лбу были коротко обрезаны, а на затылке были длинными и завитыми в косичку [queue] длиной в шесть дюймов. Через некоторое время косичка исчезла, уступив место коротко подстриженным волосам.

Возможно, наиболее непрактичными и непопулярными предметами одежды были плотные бриджи и длинные гетры, которые носила линейная пехота. «Теперь скажите мне, если бы кто-нибудь пожелал отыскать наиболее неудобный способ одеть солдат, мог ли он найти худший вариант для этой цели?» – жаловался Блаз. – «Нужно было видеть гротескные фигуры, в которые превратились молодые новобранцы, затянутые в эти бриджи и гетры, болтающиеся на икрах и падающие до пяток. Для такой одежды человек должен иметь идеальное телосложение; у него должны быть ноги с хорошо развитой мускулатурой... даже у двадцатилетнего парня фигура еще полностью не сформировалась; а мы имеем дело с рекрутами, которые не достигли и девятнадцати лет... из-за этого обмундирования они выглядят совершенно глупым образом.»

Жестокости, совершаемые в ходе Полуостровной войны, были известны всем. В чис-

Солдатские бараки построены в две линии; позади них расположены места для приготовления еды. Офицерские бараки находятся еще дальше, образуя третью линию. Сравните это со схемой размещения палаточного лагеря на следующих страницах.

мандир господин Рижар [Rigeard], являвшийся другом его матери, «обещал мне, что в этой кампании я добыю офицерских эполет».

Для волонтеров из богатых семей имелись две дополнительные возможности: первая заключалась в зачислении в велиты [Velites] императорской гвардии, где производство в офицеры гарантировалось через четыре года службы. Другой вариант для лиц со средствами заключался в поступлении в Военную школу в Фонтенбло; успешно закончившие обучение там производились в офицеры. Фактически это позволяло сыновьям социальной элиты империи покупать офицерское звание, заплатив за обучение 1,200 франков в год. В результате значительно ограничивались возможности простых солдат быстро продвинуться по службе, что было одной из отличительных особенностей революционной армии; кстати, именно благодаря этой возможности многие члены новой элиты сумели выдвинуться из низов.

Один из таких офицеров-кадетов Жиро л'Эн [Жиро l'Ain] избрал для себя военную карьеру в возрасте 16 лет:

«Эта карьера, казалось, мало соответствовала моему характеру. Мой отец

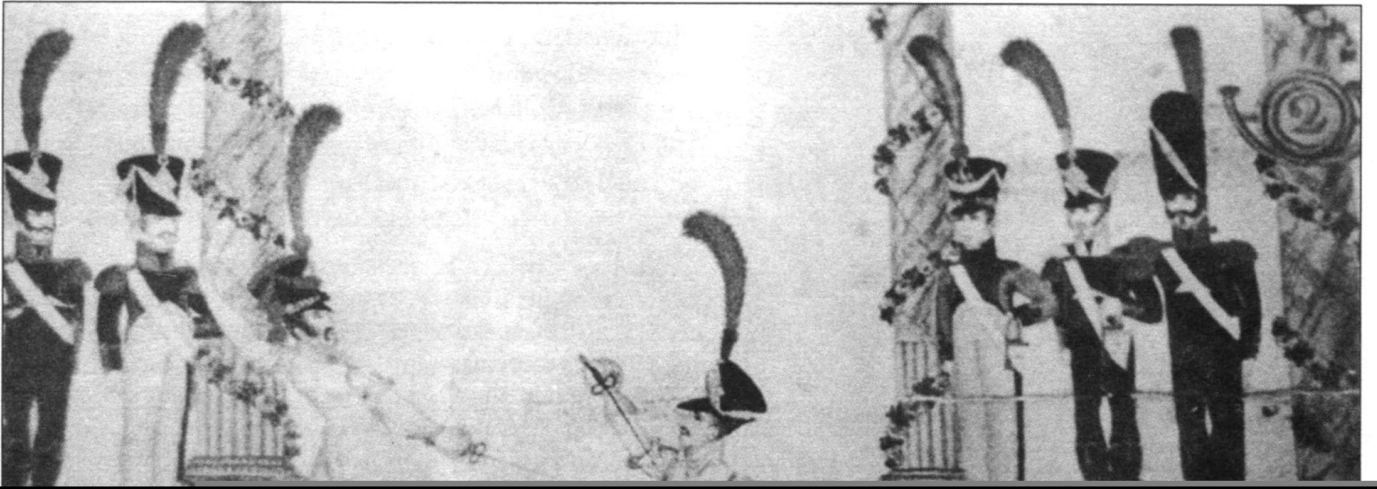
позволяла людям, которые полагали, что хорошо знают меня, предсказывать, что я никогда не стану настоящим солдатом. ...Мой несчастный брат Марк (который позже был убит) тоже избрал себе военную карьеру, и мне кажется, что я решил на этот шаг прежде всего потому, что так поступил он. Но сделано это было вопреки его мнению и советам, поскольку в своих письмах он никогда не упускал возможность рассказать мне, как ненавидит Военную школу.»

Другой кадет, Элзеар Блаз, вспоминал: «Барабан будил нас в пять часов утра. Уроки истории, географии, математики, рисования и фортификации занимали наше время час за часом; отдых заключался в смене изучаемых тем; к нашему удовольствию, четыре часа строевых упражнений вносили некоторое разнообразие в нашу жизнь; так что поздно вечером мы засыпали с головами, забитыми героями Греции и Рима, названиями рек и гор, углами и тангенсами, рвами и бастионами. Все эти вещи совершенно смешались в наших умах; основной положительной стороной строевой подготовки было то, что в ней невозможно было запутаться между плечами, коленями и руками, как это происходило с остальными науками,

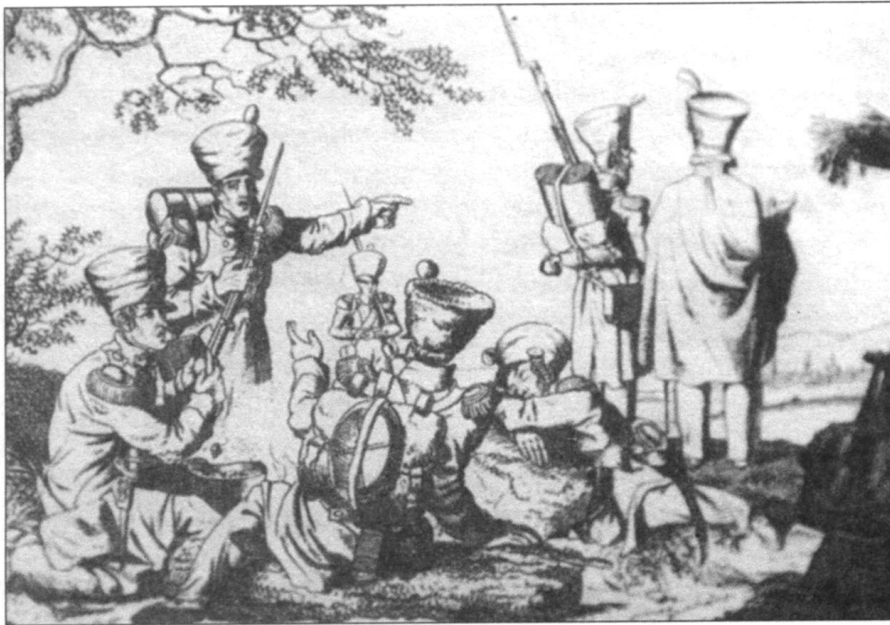
что оно считалось отличительным признаком армейской жизни. Табак протаскивали в школу контрабандой, ночью и днем, но небольшими партиями... С утра до ночи барабанщики не занимались ничем другим, и все же они едва-едва удовлетворяли спрос.»

Поскольку приближалось окончание Военной школы, кадета Фаре [Far?] попросили указать, какое назначение он предпочитает. Он описал свои мысли по этому поводу в письме к матери:

«Когда пришла моя очередь, я сказал, что хотел бы поступить в легкую пехоту; если же это невозможно, то тогда в конные егеря. Я хотел служить только в легких частях; как я уже писал, там младший офицер может самым лучшим образом проявить свои способности и там легче всего отличиться. Действующий отдельно со своим подразделением, он остается единственным командиром; и если он совершает какой-нибудь выдающийся поступок, все награды принадлежат ему одному. Всегда оказывающийся первым под вражеским огнем, он не упускает ни одного случая, чтобы проявить доблесть. В то же время офицер линейной пехоты, к своему несчастью застрявший позади своей роты в качестве замыкающего [serrez-

После дневного марша солдаты обсуждают цель своего похода. В то время как один уже задремал, другой чистит овощи на ужин с помощью карманного ножа. Обратите внимание на котелок, закрепленный сверху на ранце стоящего солдата.

Солдаты на коротком привале подкрепляются хлебом и спиртным. Барабаник (слева на переднем плане) отдыхает на своем инструменте, покуривая трубку. Мимо отдыхающих солдат быстро мчится всадник (на заднем плане), видимо, везущий важные депеши.

пераментных молодых мужчин, им необходимы были развлечения. В то время, как солдаты обучались фехтованию и танцам, свободные от службы офицеры испытывали свою фортуна, играя в карты. Прибыв в часть, Жиро обнаружил, что его новые товарищи увлечены карточной игрой, известной под названием «дрог» [drogue]. «Эта игра – для тех, у кого нет ни денег, ни кредита, или же, в крайнем случае, для тех, кто не готов рисковать своим состоянием за зеленым столом. Проигравший должен был нацепить на кончик носа деревянную прищепку, которая зажималась таким способом, чтобы вызвать на лице жертвы забавную грима-

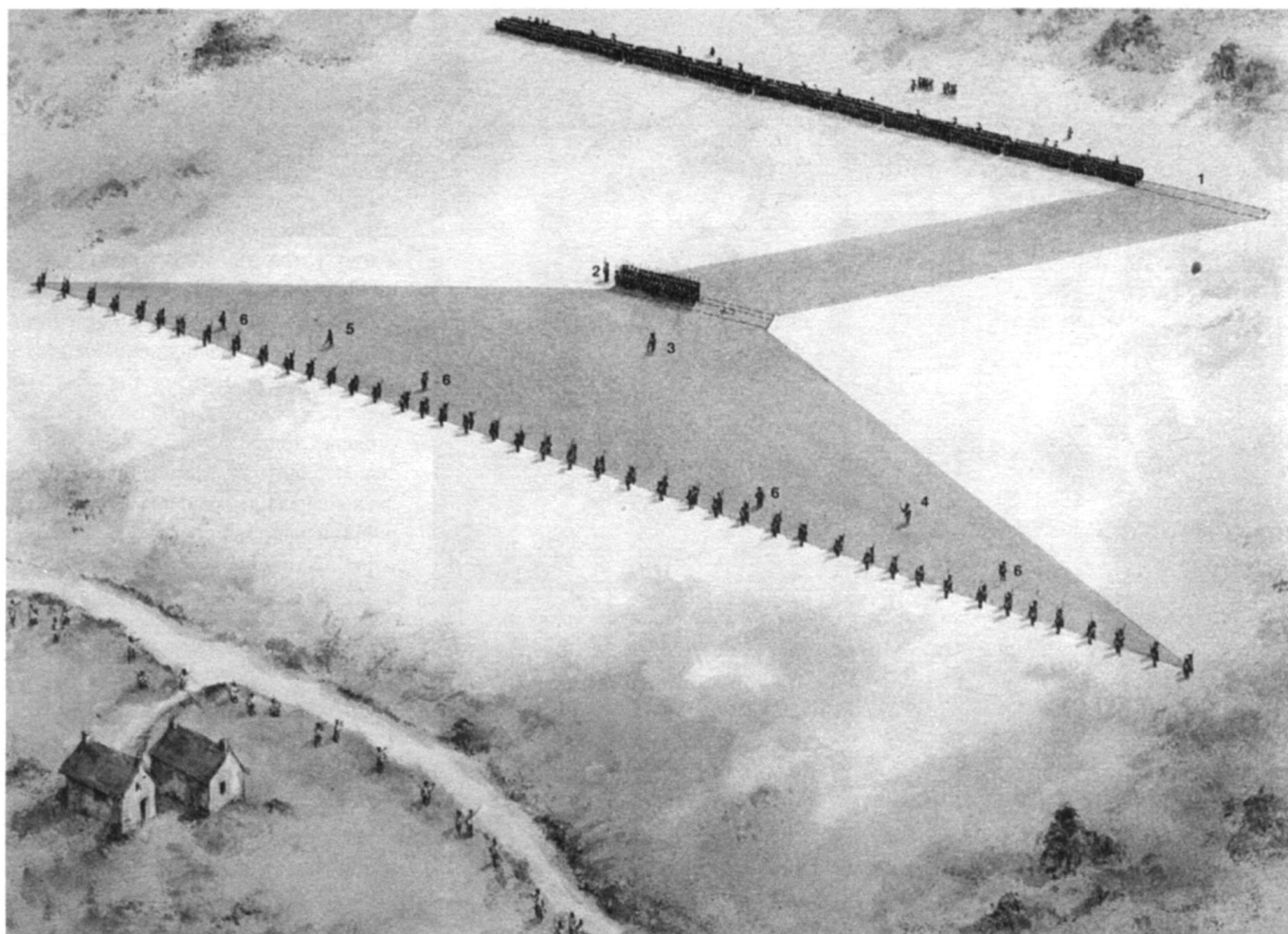
су.» Конечно, для таких занятий естественным образом должны были появляться подходящие места. «Позади лагеря и на краю леса, – вспоминал Жиро, – было выстроено несколько превосходных заведений – кофеен и ресторанчиков, которые существовали в значительной степени за счет нас.»

В расположенном вдали от других лагеря, музыкант Жироль [Girault] и его жена решили проявить предприимчивость и устроили войсковую лавку самостоятельно. Взяв ссуду в 200 франков у секретаря полковника и арендовав в части фургон, Жироль вручил деньги своей жене:

«Чтобы она могла сразу же отправиться за товаром, который состоял из вина, бренди, рома, пива, масла, сыра; короче говоря, всего, что можно было продавать в лагере. На следующий день, еще до готовности всего лагеря, мои товары прибыли. Старший адъютант, который распределял палатки, знал, что я хочу устроить лавку, и выдал мне все необходимое. Сразу за границей лагеря я поставил наши палатки... Когда появилась моя жена с заполненным продуктами фургоном, еще прежде чем мы успели разгрузить его, нас окружила настоящая толпа, и вскоре фургон опустел. Все было продано еще до того, как лавка начала действовать. Это было хорошее начало... Я продолжал расширять наше дело. Решено было завести кабачок. Я разравнивал землю вокруг моих двух палаток, чтобы установить импровизированные скамьи и столики, и обеспечил все, что было необходимо, по моему мнению, для привлечения постоянных посетителей. Часто, по воскресеньям и праздничным дням, местные жители приходили в лагерь, и они также подкреплялись в нашем заведении... Мы заработали там уйму денег, и если бы нам удалось задержаться на более длительный срок, то даже удалось бы нажить небольшой капитал.»

Самыми выгодными посетителями лавки были грубоватые, но энергичные старые офицеры, которые сделали свою карьеру в течение революционных войн. Будучи новичком из Военной школы в Фонтенбло, Жиро был совершенно поражен «подвигами» некоторых его командиров, особенно когда питейные эпопеи заканчивались трагедией:

«Капитаны Донже и Никола умерли... после неумеренного употребления бренди. Я хотел помочь нашим хирургам, которые делали вскрытие тела капитана Донже. Однако, я упал в обморок и не смог оставаться с ними до конца. Мне с тех пор неоднократно пришлось быть свидетелем и даже участником совершенно ужасных сцен, заканчивавшихся тяжелыми ранениями или смертями, но никогда больше они не оказывали на меня такого воздействия. Два капитана, кого я назвал, были родом из Лотарингии. Они не получили военного образования, но были хорошими офицерами. Капитан Донже в молодости был слесарем, и всю свою жизнь сохранял привязанность к этой профессии, в которой он, вероятно, мог приобрести репутацию, если бы революция не вынудила его сменить напильник на мушкет. Что касается капитана Никола,

Развернуть стрелков!

Французская армия не имела специальных инструкций, регулирующих действия застрельщиков, так что отдельные полки разработали свои собственные методы, основанные в общем на опыте Революционных войн. Здесь показана вольтижерская рота (1), выдвинутая на несколько сотен шагов вперед для прикрытия фронта батальона. Перед отдаванием приказа «развернуть стрелков!» [Deployez tirailleur!], капитан определяет интервалы между солдатами. В то время как первые две шеренги, не соблюдая равнения, рассыпались в указанном направлении, третья шеренга останавливалась и выстраивалась в два ряда старшим сержантом (2). Находясь вблизи резерва, капитан (3) отдавал приказ стрелкам остановиться. Этот приказ передавался при помощи барабана или вольтижерского горна.

Капитан мог затем приказывать своим солдатам или открыть огонь, стоя на месте, или стрелять и одновременно наступать всей шеренгой. Каждый ряд должен был сделать определенное число шагов перед выстрелом; пока они перезаряжали оружие, другой ряд бегом продвигался вперед. Резерв не отставал от передовых частей; из него, по мере необходимости, выдвигались подкрепления. Лейтенант (4) и суб-лейтенант (5) занимали позиции по центру в тылу своих подразделений. Позиции сержантов (6) не были фиксированными, так что они могли находиться в любом месте, где требовалось их присутствие. Застрельщики действовали парами, или со своим напарником по ряду, или с солдатом, стоящим справа, что обеспечивало непрерывность стрельбы (один из двух всегда имел заряженное оружие). Хотя в общем равнение должно было поддерживаться, застрельщики могли пользоваться преимуществом любого укрытия, которое им удавалось найти. Самую большую угрозу для застрельщиков представляла кавалерия, которая могла быстро достичь линии огня. Если звучал сигнал сбора [rallieiment], застрельщики отходили к резерву и перестраивались. Если они не успевали отойти, они формировали плотные группы вокруг своих командиров подразделений, или занимали лучшую из возможных оборонительных позиций.

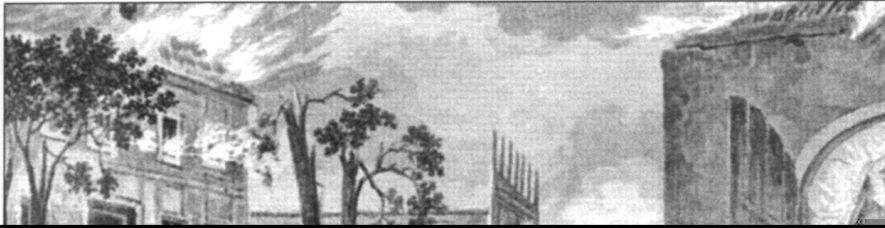
он умело командовал своими солдатами и мог стать очень хорошим командиром. С отколот в его адрес особенно злую штуку полка, где служил данный офицер.

ни выбирали из своих рядов командира, который распоряжался как абсолютный диктатор... Чтобы добиться нужного результата, необходима была неутомимость – ведь после целого дня марша вместе с полком, добытчикам приходилось бродить по окрестностям всю ночь; возвратившись в лагерь к утру, они должны были снова отправляться в путь, не имея возможности даже передохнуть.»

Когда продовольствие было доставлено, солдаты, включая самого Жиро, приступали к приготовлению еды:

«Мы порубили мясо на куски, чтобы сварить суп в старом котле, также найденном нами. За водой пришлось идти больше четверти лиги. Котел был

Когда наконец его подали, мы, к нашему удивлению, заметили, что тарелки были политы чем-то красным, вроде киновари [vermilion]. Мы все же решились попробовать это блюдо на вкус; но как только первая ложка оказалась во рту, пылающий огонь начал жечь наши

«Марии-Луизы».

Тысячи молодых людей, которые были призваны на военную службу после русской кампании, получили прозвище «Марии-Луизы» в честь такой же юной императрицы, которая в отсутствие Наполеона в качестве регента подписала декреты о новой конскрипции. Ввиду нехватки материалов, униформа была упрощена до минимально допустимых требований и в результате чем-то напоминала стиль полевой формы, которая будет носиться на полях сражений на севере Франции сто лет спустя. Еще в самом начале войны Блаз сказал, что «отправляясь в поход, каждый солдат уменьшил свое снаряжение до самого необходимого минимума, избавляясь от всех бесполезных в данных обстоятельствах предметов».

Плотно упакованный солдатский ранец (1) мог содержать запасные башмаки (2), сменную рубашку (3), пакет с инструментом для мелкого ремонта обмундирования (4), в котором находились иглы, нитки, шило, а также мешочек с чистящими принадлежностями – все остальное пространство занимали боеприпасы и продовольствие. Инструмент для ухода за оружием и до 35 пуль и зарядов хранились в патронной сумке; под ней была привязана рабочая шапка. Немногочисленные личные вещи солдата включали ложку (5), гребешок (6), игральные карты (7), карманный нож (8), мешочек для табака (9), трубка (10) и носовой платок; они могли храниться во внутренних карманах его мундира. Крупные же предметы снаряжения – котелки для приготовления пищи и топоры – носились всеми солдатами подразделения попеременно.

Сближение с врагом

Как бы направляемые невидимой рукой, различные армейские корпуса начинали стягиваться к одному заранее назначенному месту. Артиллерийские батареи, кавалерийские полки и обозные фургоны, нагруженные амуницией и боеприпасами, занимали всю ширину проселочных дорог, так что пехотинцам приходилось идти по обочинам. Ночью солдаты отдыхали полностью одетые, согласно Блазу, «держа один глаз открытым», готовыми вступить в бой в любой момент. Для Жиро это была первая кампания, и трудности полевой жизни застали его врасплох. Закончив наконец форсированный марш на 20 лиг, он обнаружил, что:

«За несколько последних дней я ужасно натер ноги. Изматывающий марш, недостаток еды и суровый климат в худшую сторону сказались на моем здоровье. Я постоянно страдал от дизентерии, которая в конце концов вызвала у меня лихорадку. Полковник понимал мое жалкое состояние и, сидя

рядом во время обеда, проявлял всю возможную заботу обо мне. Я надеялся провести там по крайней мере одну нормальную ночь, которая мне была необходима позарез, но мои надежды рухнули. Наоборот, мы с трудом смогли закончить нашу трапезу, поскольку она два или три раза прерывалась тревогами, которую вызывали появлявшиеся вблизи вражеские дозоры. Между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи мы получили приказ подготовиться к дальнейшему маршу. Кто-то посоветовал мне положить по целому яйцу, вместе со скорлупой, в каждый сапог, уверяя меня, что не буду так страдать во время ходьбы: я последовал этому совету.»

Мирное существование, которое продолжалось после окончания предыдущей кампании, должно было скоро прерваться. «В середине ночи мы были разбужены ружейной стрельбой и двумя пушечными залпами, – вспоминал Жиро. – Дивизия схватилась за оружие и ринулась на врага, который принял наступление.»

День битвы

С первыми лучами солнца барабаны пробили сбор [appelle]; по этому сигналу войска выстраивались в боевое положение. «С рассвета мы находились под ружьем», – писал Жиро. Перед выстроившимися полками каждого корпуса читалось императорское воззвание под повторяющиеся крики «Vive L'Empereur!» «Когда восходящее солнце осветило сближающихся противников, перед нашими глазами предстало совершенно замечательное зрелище, –

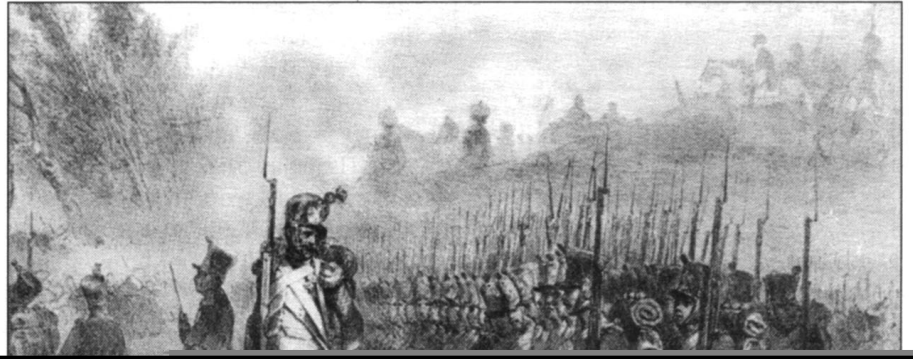
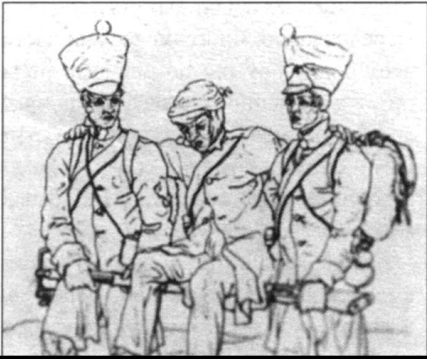
вспоминал командир батальона Биал. – Передвижения многочисленных частей всех родов оружия по ровному полю, при великолепной погоде, когда яркое солнце посылало свои лучи над склонами холмов, которые обозначали линию горизонта, создавало незабываемую картину.»

Приближение боя вызывало у людей смешанные чувства: «В час перед сражением, – вспоминал молодой музыкант из Женевы Жан-Луи Сабон, – мы находились в состоянии экстаза. Лица у всех пылали, как будто мы хорошо выпили, но это было совсем не так. На самом деле мы ощущали уверенность в победе, и именно это читалось на каждом лице. Казалось, что для испытания полноты жизненных ощущений мы нуждались в этом гигантском столкновении с противником. В такие моменты мозг и тело находятся в крайнем возбуждении, и вас сотрясает непередаваемая дрожь.»

По всему полю предстоящего сражения солдаты делали последние приготовления, чтобы противостоять шторму, который должен был вот-вот разаразиться вокруг них. Батальон капрала Никола Паже занимал место в авангарде, формируя передовую линию. Заняв территорию одной из ферм, легкие пехотинцы укрепили свои позиции, превратив хозяйственные постройки в настоящие оборонительный рубеж: «Сразу после восхода солнца наш батальон приступил к фортификационным работам. Наш полковник все время был с нами, подбадривая отстающих. Осталось возвести только четыре или пять метров защитной стенки, и наша работа была бы завершена... Внезапно наши выдвинутые вперед дозоры подверглись

Резервные войска на марше. Лампасы на панталонах в последние годы империи были отличительным признаком элитных частей.

Армия Севера, 1815 г.

Фузилеры быстро продвигаются по полям Бельгии, держа ружья «под руку». После отречения Наполеона армия оказалась в неопределенном положении, находясь как бы на отдыхе в ожидании реорганизации. Множество ветеранов, освобожденных из плена, возвратившихся из осажденных гарнизонов или поправляющихся после ранений, вернулись в свои полковые депо. Кардрон в письме к своей сестре описал самую распространенную реакцию на известие о возвращении Наполеона из изгнания: «Я не нахожу слов, чтобы выразить радость, которую мы почувствовали, когда до нас дошли эти новости. Ты можешь быть уверена, что весь гарнизон Филиппвиля, без сомнения, испытывает те же самые чувства. Любому ясно, что вся армия думает также, как наш полк: мы представляем собой одну большую семью, которая нашла отца, который, как думалось, был потерян навсегда».

Этому настроению оптимизма суждена была недолгая жизнь: его постиг полный крах всего через сто дней, после поражения в битве у Ватерлоо. После своего вторичного появления на троне, король Людовик XVIII решил полностью разрушить структуру и дух императорской армии и создать новую армию на пустом месте. В письме от 1 сентября 1815 г. Кардрон сообщал новости своей сестре: «Ты знаешь, какова судьба армии? Ни много, ни мало – нас распускают и реорганизуют в департаментские легионы. Все офицеры, унтер-офицеры и солдаты, уроженцы определенного департамента, отправляются в административный центр этого региона».

лился, а затем мы увидели, что артиллеристы начали покидать свои орудия.»

Пока застрельщики выполняли свои задачи, артиллерия продолжала ослаблять противника, большая часть пехоты оставалась неподвижной в ожидании приказа на наступление. Батальонный командир Биал вместе с другими старшими офицерами с нетерпением ждал

пушечных ядер. Мы отважно ринулись на врага беглым шагом [pas de charge], не смотря на ядра и картечь.»

Блаз вспоминал: «С момента начала наступления каждый, от главнокомандующего до капрала, выражал свои чувства одними и теми же словами: «С божьей помощью, вперед! – Вперед, во имя Бога! «

почти сразу же в голову моей лошади угодило пушечное ядро, и я оказался на земле, глотая пыль. ...Враг поддерживал ужасный огонь. Я поднялся на ноги, ошеломленный своим падением, и тут же в меня попали три мушкетных пули. Одна прошла через мой кивер, другая разбила табакерку с нюхательным таба-

лось увидеть снова. В ходе продолжавшегося наступления, «нам было очень трудно устоять на ногах, продвигаясь по местности, сплошь покрытой маленькими рытвинами... Увы, многие падали, чтобы никогда не встать. Я видел, как передо мной упал как подкошенный лейтенант Корриго... его грудь была разворочена ядром.» В это же время командир батальона Биал был эвакуирован с передовой линии; он пришел в себя только при обследовании его одним из выдающихся военных хирургов той эпохи: «На перевязочном пункте, после обследования и зондирования раны, хирург Ларрей сообщил, успокаивая меня: «Еще на долю дюйма в сторону, командир, и вы отправились бы в последний путь.» Тут же он взял ланцет, расширил входное отверстие и затем вытащил смертоносную пулю с помощью щипцов.»

Не каждому достаточно повезло, чтобы так быстро попасть к врачу, да

роны.» Русский был убит пулей, которая попала ему прямо в лоб. Он был мертв, хотя тело еще сохраняло тепло. Сержант Робер, который не прекращал стрельбу все время, пока я забирал пятьдесят патронов, хранившиеся в подсумке, несколько раз кричал мне: «Торопись!», но это вызывало у меня только смех. Я возвратился обратно, вызвав восхищение у всех вольтижеров.»

Прибытие резервов

Поскольку сражение разгоралось все сильнее, остальным частям армии были разосланы депеши, которые содержали приказы о подтягивании всех сил к месту битвы с максимальной быстротой. По мере приближения к полю сражения, солдаты резервных соединений начали улавливать первые признаки боя, бушевавшего перед ними. Жиро стал свидетелем, как:

«Император прошел прямо через

пути. Сначала они обходят их стороной, чуть ли не на расстоянии двадцати шагов, из опасения прикоснуться к ним; затем проходят все ближе и ближе; и наконец, они уже без колебаний маршируют прямо, почти наступая на мертвых.»

Жиро описывает последние приготовления его полка:

«Наконец нам приказали остановиться, чтобы мы могли подготовиться к бою, а оставшие имели возможность подтянуться к своим подразделениям... Мой капитан вытащил из седельной кобуры бутылку бренди, которая хранилась там в течение нескольких дней как драгоценность, в ожидании подходящего случая: это время как раз наступило. Мы выпили по хорошему глотку, и хотя нас было четверо, там хватило и на вторую порцию, и даже после этого оставалось достаточно бренди, чтобы в бою помочь тем из нас, кто получит ранение... Мы дебушировали из леса около

Ветеран (что явствует из шевронов за сверхсрочную службу на рукаве) помогает маркитантке и её детям переправиться через реку в 1812 г. Она несет бочонок бренди на ремне через плечо, а кухонные кастрюлю привязаны к лошадиному седлу. Фургоны маркитанток обычно получали регистрационный номер, наносившийся на их боковую сторону, который показывал, что начальник штаба дивизии официально разрешил обслуживать его соединение.

полагались на ночлег прямо среди груд мертвых или умирающих. Мародерство начиналось почти сразу, после непродолжительных сомнений насчет греха грабить ушедших в мир иной. Как отмечал Жиро, точка зрения большинства

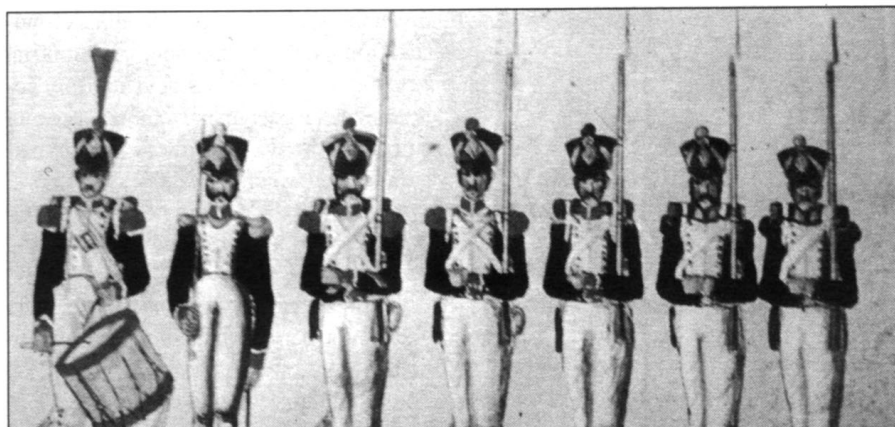
обезболивания; при этом те раненые, кому врачи были не в силах помочь, просто бросались на произвол судьбы. Крупномасштабные сражения были катастрофическими для врачей того времени, поскольку они не располагали ре-

брошены гнить в переполненных трюмах кораблей-блокшивов, стоящих на рейдах, в то время как другие были содержались в обычных тюрьмах, где они считали дни, оставшиеся до долгожданной репатриации.

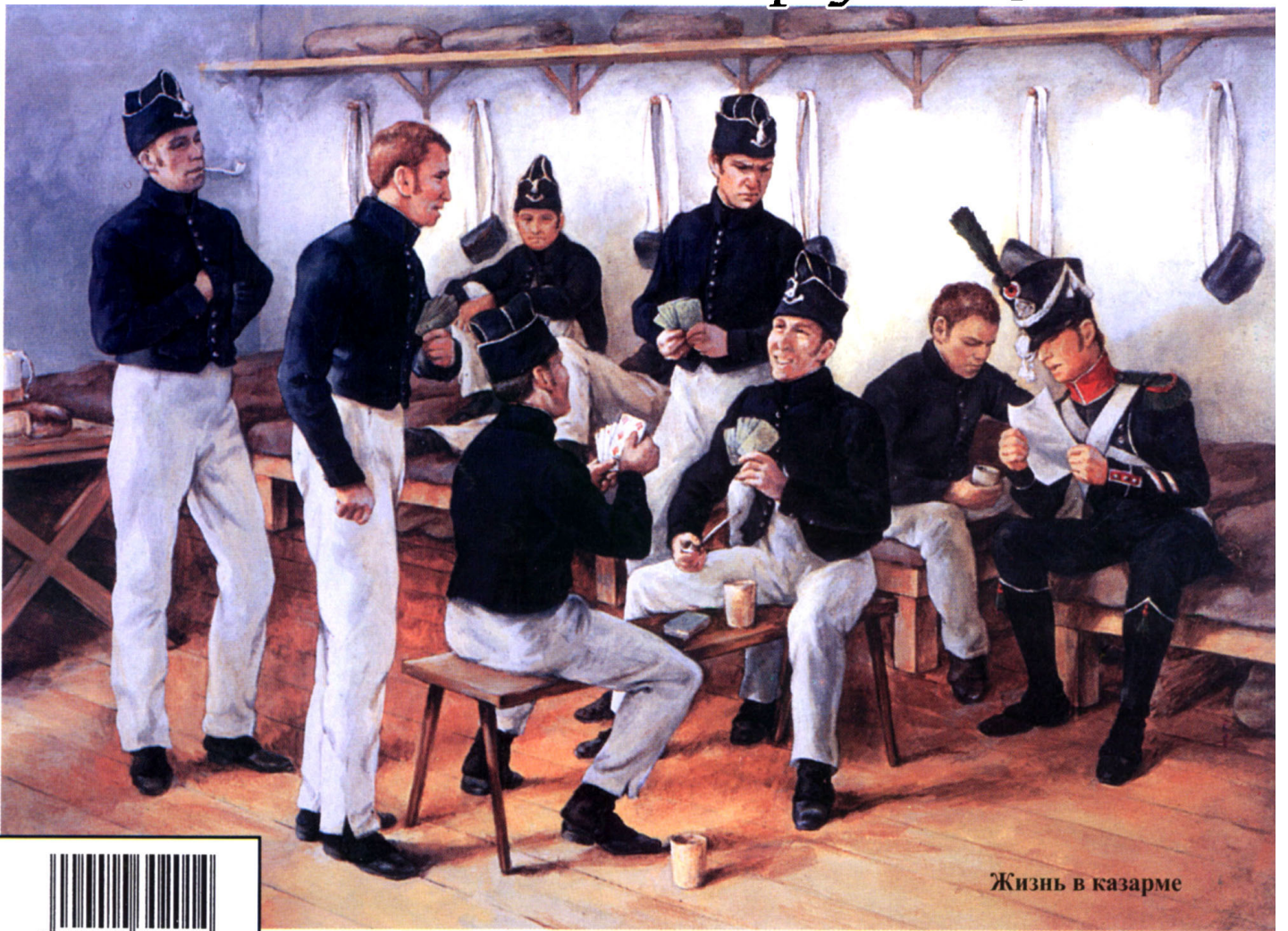
Возвращение домой

Возвращение к семейному очагу по окончании кампании, на время непродолжительного отпуска или навсегда, для оставшихся в живых сопровождалось очень противоречивыми эмоциями. Пробыв вдали от дома более двух лет, Жиро и его товарищ-офицер получили право на несколько дней отпуска [conge]. «После шестидесяти часов почти непрерывной скачки мы достигли Парижа. Была полночь. Ни один из нас не отважился предстать перед родителями в этот час, так что нам пришлось заночевать в гостинице на улице Сен-Дени. На следующий день, немного отдохнув и подкрепившись, надев парадную форму, включая султан на кивере, мы расстались и каждый направился к своему дому. Я едва ли смогу описать, с какой радостью я обнял моего отца.»

Отсутствовавший на родине в течение одиннадцати лет, Жакэн узнал, что его часть будет проходить вблизи его

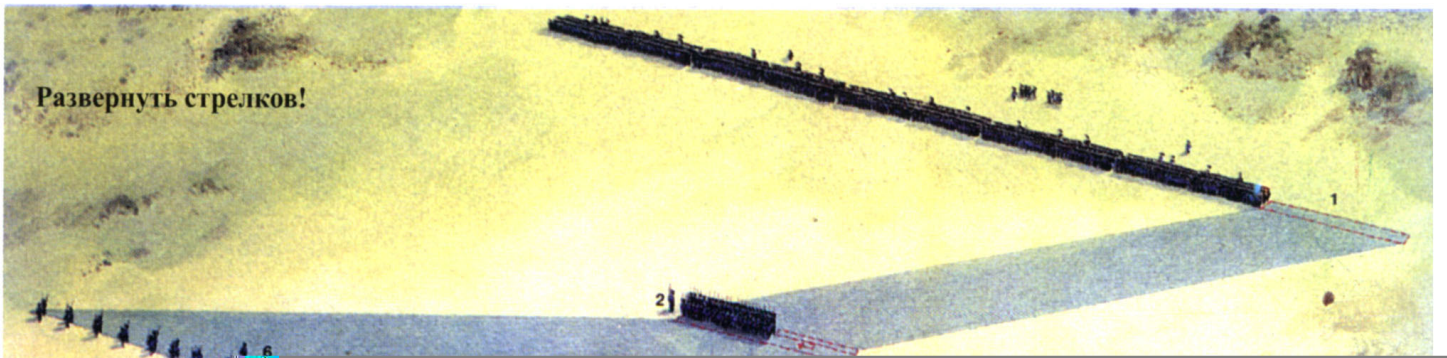
в составе Армии Испании вблизи Сарагосы. Мой первый муж также был убит, защищая родину, и я потеряла все имущество, которым владела, будучи маркизанткой. Побывав в плену, я... прошу Ваше Превосходительство, как мать семейства, которое включает двух детей, назначить мне пенсию в соответствии с законом, а также потому, что я была заключена в тюрьму на барже в Кадисе, где оставалась в течение двух лет. Мой отец также погиб, находясь в море на борту корабля эскадры, которой командовал

Жизнь в казарме

2 900020 302014

Развернуть стрелков!